

ИСПЫТЫВАЯ НА ПРОЧНОСТЬ «КОРОНУ» ВИТОВТА: ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО  
ЛИТОВСКОЕ В 30-е годы XV в.  
(ПОЛЕХОВ С. В. НАСЛЕДНИКИ ВИТОВТА. ДИНАСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА В  
ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В 30-Е ГОДЫ XV ВЕКА. М.: ИНДРИК, 2015)

В 2015 г. в московском издательстве «Индрик» была издана дебютная книга научного сотрудника Института российской истории РАН Сергея Полехова, в которой автор обобщил результаты не многолетних, но очень многочисленных исследований (в первую очередь, опираясь на материал кандидатской диссертации и постдокторской стажировки<sup>1</sup>). Название книги — «Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века» — не только указывает проблематику или хронологию, но и очень точно характеризует концепцию данного исследования. Вспыхнувшая в 30-х годах XV в. династическая война стала проверкой на прочность государства, которое после своей смерти оставил великий князь литовский Витовт. Исследование С. Полехова показало, что страна, существенно изменившаяся за годы правления великого князя Витовта, с данной задачей справилась успешно, понесла лишь незначительные территориальные потери (с. 507–508).

Структура книги состоит из двух основных частей — исследования и трех приложений. Работа включает введение (в нем сформулирована цель данного исследования, подробно рассмотрена историография и охарактеризованы источники) и три раздела, которые расположены в хронологическом порядке. Выбор цели исследования был обусловлен тем, что отрывочные данные источников, представляющие ход династической войны в Великом княжестве Литовском (далее — ВКЛ, Литва) в 30-е годы XV в., противоречат утверждениям, укоренившимся в историографии, о том, что войну якобы вызвала религиозная распря (Анатоль Левицкий, Матвей Любавский) или социальный конфликт в обществе (Митрофан Довнар-Запольский, Михаил Грушевский, Богдан Барвинский, Андрей Дворниченко). По мнению автора, исследователи, писавшие о ходе династической войны в ВКЛ, убедительно не ответили на вопрос (или даже не пытались на него ответить): почему в результате войны государство не прекратило своего существования или не распалось на отдельные части (с. 14)? Ведь после Ошмянского переворота 1432 г. ВКЛ разделилось на два противоборствующих лагеря. Пытаясь ответить на этот вопрос, автор сформулировал очень широкую цель своего исследования — «выяснить причины и характер событий, развернувшихся в Великом княжестве Литовском после смерти Витовта» (с. 14). Поиск этих причин и желание реконструировать события побудили автора не только углубиться в историю 30-х годов XV в., но и осмыслить политические и социальные реалии ВКЛ конца XIV — середины XV в.

Основываясь на исследованиях литовского историка Римвидаса Петраускаса, С. Полехов в своей книге концентрирует внимание на практике осуществления верховной власти в ВКЛ. Р. Петраускас, анализируя функционирование ранних политических структур государственной власти в Литве, убедительно показал, что власть великого князя не конкурировала, но на основе симбиоза сосуществовала с властью знати, которая формировала политическую элиту<sup>2</sup>. Согласно исследованиям Р. Петраускаса, состав знати ВКЛ конца XIV — XV в. был достаточно однородным. Большинство ее членов были выходцами из определенного региона — «Литовской земли» («Lithuania propria», нынешние Восточная Литва и Западная Белоруссия). Членов этой группы объединяло соседство владений, родство по браку и складывающиеся связи верности и дружбы по отношению к великому князю. С. Полехов, опираясь на выводы Р. Петраускаса, не только анализирует литовскую знать, но и охватывает все правящие круги ВКЛ. Их он делит на правящую элиту и региональные элиты. Согласно автору, в правящую элиту ВКЛ

<sup>1</sup> Кандидатская диссертация была защищена в 2011 г. на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; постдокторская стажировка проходила на историческом факультете Вильнюсского университета в 2013–2015 г.

<sup>2</sup> Подробнее с исследованиями литовского историка Р. Петраускаса можно ознакомиться в обобщающей статье на русском языке [Петраускас]; нужно отметить, что эту статью с литовского языка перевел С. Полехов. Также монография Р. Петраускаса издана в переводе на белорусский язык: [Пятраўскас].

входили те лица, которые: упоминаются в списках свидетелей/гарантов великокняжеских документов, демонстрировали политическую активность, занимали государственные должности или должности при великокняжеском дворе, принадлежали к той или иной семье или роду. Правящая элита ВКЛ оказывала влияние на процесс принятия великим князем решений общегосударственного значения, а региональные элиты — на принятие решений великокняжескими должностными лицами в землях ВКЛ (с. 12–13, примеч. 4). Перефразируя схему С. Полехова, можно сказать, что в правящую элиту ВКЛ входила литовская знать и члены правящего рода Гедиминовичей.

Политическая и территориальная экспансия Литовского государства по отношению к землям Руси не вела к тому, что региональная элита той или иной земли сумела быстро интегрироваться в правящую элиту ВКЛ (с. 111–115). Этот процесс начал происходить позже — в эпоху правления великого князя Казимира Ягеллончика, во второй половине XV в. (с. 501). Углубившись в социальные и политические реалии ВКЛ начала XV в., С. Полехов резюмировал, что, несмотря на неравноправное положение русских князей, бояр и отчасти горожан и православной церкви, процессы интеграции земель Руси в состав общегосударственных структур ВКЛ к тому времени принесли ощутимые результаты. Так же как и другие жители ВКЛ, русины были заинтересованы в сохранении отдельного (от Польского королевства) и суверенного государства. Они считали и осознавали себя подданными «своего могущественного господаря» — великого князя литовского (с. 119–129).

Великий князь литовский Свидригайло был свергнут с престола маленькой, но очень влиятельной группой лиц, представляющей часть правящей элиты ВКЛ. Основу этой группы составляла литовская знать и православные князья рода Гедиминовичей. По утверждению автора, самосознание этих князей не было сугубо *русинским*, «они прекрасно помнили о своей принадлежности к правящей династии или родстве с ней» (с. 276, примеч. 82). Региональные элиты не были включены в планы заговорщиков, поэтому неудивительно, что именно они, в особенности в начале династической войны, поддержали Свидригайла (в их глазах законного государя), а не Сигизмунда Кейстutowича (узурпатора трона) (с. 276, 288). Если бы Ошмянский переворот прошел успешно, то региональные элиты (так же как и оставшиеся члены правящей элиты) признали бы нового правителя Литвы. С. Полехов обращает внимание на то, что после смерти великого князя Витовта Свидригайло был избран на престол также очень небольшой группой людей. Ее составляли члены правящей элиты — литовская знать и князья рода Гедиминовичей. Этого вполне хватило, чтобы власть нового великого князя была признана на общегосударственном уровне. Примеры «избрания» Казимира Ягеллончика и Сигизмунда Старого также демонстрируют, что такая модель реализации власти («элекция» великого князя) в ВКЛ была живучей еще в середине XV — начале XVI в. (с. 167–171).

Так что в 30-е годы XV в. в ВКЛ сложилась парадоксальная ситуация — как Свидригайло, так и Сигизмунд Кейстutowич своими подданными воспринимались в качестве законных монархов. Междоусобная война между этими великими князьями стала столкновением двух членов правящей династии — династической войной — за трон и власть во всех землях ВКЛ.

Хотя исследуемый период истории ВКЛ не отличается обилием неопубликованных источников, С. Полехов сумел приятно удивить читателя. В Приложении I он опубликовал 15 малоизвестных источников, относящихся к истории династической войны в ВКЛ, на русинском (западнорусском), средне- и ранненововерхненемецком, а также на латинском языке. Эти источники были собраны во время работы в архивах и в отделах рукописей библиотек Австрии, Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, России, Украины и Швеции<sup>3</sup>. Пять из этих источников были введены в научный оборот впервые, еще пять были известны из историографии, но также были опубликованы в первый раз. Автор не только дал детальную внутреннюю и внешнюю характеристику каждой рукописи, но и перевел немецкие и латинские источники на русский язык. Это, безусловно, поспособствует более широкому распространению этих новых источников в научной, особенно русскоязычной, среде. В тексте исследования также публикуется

<sup>3</sup> С частью этих ресурсов можно ознакомиться, не выходя из дома. Например, с помощью портала, объединяющего цифровые ресурсы научных и культурных учреждений Польши: [fbc.pionier.net.pl](http://fbc.pionier.net.pl).

факсимиле одного из этих источников<sup>4</sup>. Опубликованный материал не отделен от текста исследования, источники не только дополняют исследование новыми данными, но и содействуют автору в разработке концепции династической войны. В Приложении II С. Полехов предоставил итинерарии великих князей литовских — Свидригайла (7 ноября 1430 — 6 декабря 1438 г.) и Сигизмунда Кейстутовича (1 сентября 1432 — 20 марта 1440 г.). Эти итинерарии значительно расширяют данные Богдана Барвинского, Оскара Халецкого и Раймонды Рагаускене по этому вопросу (см. подробнее: [Барвинский, с. 121–123; Halecki, s. 285–296; Ragauskienė, p. 318–319]).

Последнее приложение — Приложение III — является достаточно спорным и неоднозначным, поэтому его обсудим подробнее. В данном приложении автор, основываясь на все более популярном (в контексте исследований социальных структур или отдельных социальных групп ВКЛ) просопографическом методе, собрал биографические данные (биограммы) лиц, бывших в 1432–1438 г. сторонниками великого князя Свидригайла. По мнению автора, таковыми можно считать тех лиц, которые: «прямо упоминаются в источниках как признающие [его] власть [...] — члены его рады, послы, представители духовенства, получатели пожалований, должностные лица, слуги и иноземные “гости”, а также вассалы» (с. 561). Кроме того, С. Полехов склонен считать сторонниками Свидригайла также иностранных союзников. К счастью, автор сознательно отказался предоставить биограммы этих лиц (с. 561). Включение этих данных в приложение значительно расширило бы объем и без того огромной книги, однако вряд ли способствовало бы реализации заданной цели и решению задач работы. 153 биограммы данного приложения разделены на три группы: 1) духовенство; 2) князья; 3) бояре, слуги, мещане. Такое разделение само по себе является удобным и полезным, однако оно только частично использовалось в самом тексте исследования. В книге приводятся коллективные биографии сторонников Свидригайла (с. 282–288, 422–423, 493–494, 499–503<sup>5</sup>), но эти биографии связаны лишь с правящей и региональной элитой. В них канут в небывшие члены более низких социальных групп — рядового духовенства, горожан, личных слуг Свидригайла, иностранных «гостей» или авантюристов.

Кроме этого, также не совсем ясна позиция автора в отношении того, следует ли к данной категории причислять слуг и дворовых людей сторонников Свидригайла. Например, являлся ли упомянутый в приложении беглый слуга бывшего вильнюсского горожанина Алексея Игнат сторонником Свидригайла или нет (с. 589–590)? Склонен считать, что следовало более концептуально вести «отбор» лиц, принадлежащих к категории сторонников. Из текста приложения совсем не ясно, каким образом по отношению к великому князю Свидригайлу проявлялась субординация («сторонничество» уже перед этим упомянутого бывшего вильнюсского горожанина Алексея (с. 589–590) или олесских земян, которых в 1432 г. простил польский король Владислав II Ягайло (с. 601, 602, 607, 611–612, 613, 616, 622, 624, 629)). Формально сторонниками Свидригайла можно было бы считать всех подданных великого князя, которые после Ошмянского переворота не признали власти Сигизмунда Кейстутовича. Тем не менее, по мнению автора, понятие «быть подданным» не идентично понятию «быть сторонником». Например, хотя на рубеже 1399–1400 г. Свидригайло от своего брата, польского короля Владислава II Ягайла, получил Западное Подолье во владение, еще в начале 1401 г. сторонников у него там не было (с. 134, 511–512). Похоже, что автор склонен считать сторонниками великого князя Свидригайла только тех подданных, которые в источниках названы подданными этого великого князя.

Данную книгу С. Полехова без преувеличения можно считать энциклопедией ВКЛ конца XIV — первой половины XV в. Автор не только прекрасно ознакомлен (и на страницах книги активно полемизирует) с новейшей многоязычной историографией на английском, белорусском, литовском, польском, русском, украинском и немецком языках, но также привлек к анализу многочисленные опубликованные и неопубликованные источники (особо следует отметить источники, хранящиеся в Секретном государственном архиве Фонда «Прусского культурного наследия»). В исследовании автор

<sup>4</sup> Приложение I, документ № 9. 25 сентября 1433 г. Послание вельмож ВКЛ польскому королю Владиславу II Ягайлу с просьбой не включать великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича в перемирие с князем Свидригайлом. Факсимиле послания опубликовано на с. 347.

<sup>5</sup> С. Полехов приводит несколько коллективных биографий сторонников Свидригайла, ввиду того что состав его сторонников во время конфликта с Сигизмундом Кейстутовичем менялся.

углубляется в узкую проблему династической войны, а также анализирует широкий спектр вопросов, касающихся политической и социальной истории ВКЛ.

#### Литература

*Барвіньский Б.* Жигимонт Кейстутович Великий князь Литовско-русский (1432–1440). Жовква, 1905.

*Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). С. 95–116.

*Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст. Склад – структура – улада / Пераклад з літоўскай мовы Алясь Мікус. 2-е выд. Смаленск, 2014.

*Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.

*Ragauskienė R.* Lietuvos valdovų vilniet...iški itinerariumai // *Vilniaus žemutinė pilis XIV a. – XIX a. pradžioje*. 2002–2004 m. istorinių šaltinių paieškos. Vilnius, 2006. P. 305–330.

